

Поиск ведет Пелевин

С фронта я привез комплекты подшивок дивизионной газеты «За счастье Родины!», которую редактировал. Сейчас им цены нет.

Каждый, кто внимательно полистает пожелтевшие страницы нашей дивизионки, обратит внимание на то, что газета особенно часто писала о боевых делах разведчиков. К тому же я очень хорошо знал комиссара, а позже командира отдельной роты разведки Федора Панфиловича Пелевина.

Сближало нас многое. Оба мы прибыли на фронт с Урала. Федор до войны возглавлял комсомолию Висимо-Шайтанского района. Затем он был секретарем Исовского и Красноуфимского райкомов комсомола, после работы на посту первого секретаря ГК ВЛКСМ Первоуральска возглавлял партийную организацию новотрубного завода.

Перед отправкой на фронт мы окончили курсы усовершенствования политсостава и оба прикрепили на петлицы гимнастеров по три рубиновых кубика, получив звание политрука.

Боевое крещение приняли на смоленской земле. Федор Пелевин сразу же зарекомендовал себя лучшим политработником дивизии. Сильная воля, трудолюбие, рабочая хватка помогли ему быстро овладеть военным

делом. Будучи комиссаром разведроты, он часто замещал командира в бою.

Как и большинство коренных уральцев, суровый с виду Федор был на самом деле очень душевным человеком. Все с любовью называли его отцом-комиссаром. Этим подчеркивалось уважение к житейскому опыту, умению Пелевина всегда понять человека.

Но хочется сказать о том, что и на фронте, в боевой обстановке, мой друг и товарищ оставался все тем же беспокойным искателем, каким был всегда на комсомольской и партийной работе. В нем постоянно жил дух неугомонности, он всегда стремился к лучшему, совершенному, проявлял и в военных делах характер рабочего человека, напористого и смелого.

Об этом и расскажу подробнее.

* * *

В редакцию зашел Федор Панфилович Пелевин. Нервный, возбужденный. Поздоровался — и сразу:

— У тебя есть время? Хочу посоветоваться.

Полосы завтрашнего номера газеты, что я вычитывал, передал секретарю редакции Николаю Сержанину, и мы с Пелевиным вышли из землянки. Солнце клонилось к закату, осенний лес выглядел еще багрянее, чем днем. Обветренное лицо Федора тоже отсвечивало бронзой.

— Знаешь, веду я тут дискуссию с одним штабником, — начал он. — И решил проверить свои взгляды. Скажи, сколько разведчиков следует, по-твоему, привлекать к ночному поиску?

— Как любят говорить знатоки, группа должна быть оптимальной для конкретных условий и обстановки, — ответил я.

— Верно. А точнее — ми-ни-маль-ной! Как число патронов в обойме. Меньше еще может быть, а боль-

ше — уж никак. Мы ведь не в наступление идем, где желательно значительное превосходство сил. Разведчики должны побеждать не числом, а умением и отвагой.

— Верно, еще Суворов так говорил...

— Так, и, думаю, разведку он имел в виду прежде всего.

— Возможно.

— Я считаю, чем меньше людей участвует в поиске, тем большую долю ответственности берет на себя каждый. И это умножает силы.

— По твоей теории выходит, что за «языком» лучше ходить вдвоем, втроем, — возразил я, помня, что спор всегда помогает отыскать истину.

— По моей теории посылать надо ровно столько, сколько необходимо для выполнения задачи. И ни одним больше. А мне говорят: в любом бою нужен резерв. И получается вроде бы: чем больше, тем лучше.

Пелевин задумчиво сузил глаза, что он обычно делал, когда хотел восстановить в памяти какие-то события:

— Недавно перед выходом на операцию сдают мне бойцы свои документы. Смотрю, в красноармейской книжке Селюнина письмо и последняя фраза в нем такая: «Ждем, сынок, с победой домой». Другой разведчик отдал мне комсомольский билет, фотографию же девушки положил в карман гимнастерки. И я подумал: каждого кто-то ждет там, дома. Но не всякому суждено вернуться. Может быть, даже и с этого задания. Какая это ответственность — организовать бой так, чтобы не было неоправданных потерь!..

— У нас и в дивизионной разведке, и в полках все больше входит в практику вести поиск усиленным взводом, — заговорил Пелевин после паузы. — А это не менее тридцати человек. Непосредственно же участву-

ют в операциях человек десять — пятнадцать. Какой смысл посылать остальных? А тот штабник говорит: пойдет мало людей, некому будет раненых вынести. Он заботится, чтобы было больше санитаров. А я хочу, чтобы было меньше раненых. Это же закономерно: чем больше бойцов пойдет в расположение противника, тем выше вероятность наших потерь — и маскировку труднее блюсти, и пули скорее отыщут себе жертву среди тридцати человек, чем среди пятнадцати.

— Рассуждаешь убедительно, — согласился я.

— Ну!.. — Это многозначное уральское «Ну!» замечало «Вот видишь!».

— А еще спор насчет времени поиска, — продолжал Федор, стараясь смахнуть с конца затухающей самокрутки обуглившуюся бумагу. — Ты служил пограничником и знаешь, когда часовому ночью больше всего спать хочется?

— Перед рассветом, конечно. Только успевай глаза протирать.

— А мы зарядили проводить поиски в полночь. Даже поговорка сложилась: «Ночь — союзница разведчика». И гитлеровцев к этому приучили. Поэтому они с вечера усиливают охранение, держат в готовности артиллерию, чаще светят ракетами. Я предложил провести поиск под утро — больше будет внезапности. Так нет, опять возражает — мы, мол, рискуем, что нас застигнет рассвет и сразу все окажемся на виду у врага. Но ведь можно все рассчитать по минутам — и уложиться в срок. Так или нет?

— Можешь считать, что «выразитель общественного мнения» на твоей стороне. — И я положил руку на плечо Федора. — По-моему, это — новое и ценное в практике ведения разведки.

— Что новое — несомненно, — согласился Пелевин. — А вот ценность надо доказать практикой. И я

сам попросился провести такой поиск. Однако и тут встретил возражение, причем надуманное: ты, мол, противопоставляешь себя командиру роты, вроде бы выражаешь ему недоверие. Какое здесь недоверие? Мы с ним в уличных боях проверили друг друга. Просто я добиваюсь, чтобы мы не уподоблялись им, фрицам, о которых все говорят как о поклонниках шаблона...

— Не пойму, почему так упорствует твой оппонент?

— Потому, видимо, что я для него не авторитет. Он старший по должности и званию, учился в академии. Делает вид, что война для него — что-то вроде повторения учений мирного времени. А кто в его глазах я? Политработник из запаса, всего несколько месяцев в армии.

— Если тебе обратиться прямо к командиру дивизии?

— Думаешь, поддержит?

— По-моему, да.

— А что, если операция пройдет неудачно? Не все же зависит только от нас, есть еще и противник...

Пелевин встал. Сломав веточку дуба, долго смотрел на нее, будто она могла дать ответ на волнующий его вопрос. Потом энергично хлестнул веткой по ладони:

— Буду проситься! Без экспериментов и на войне нельзя.

— Удачи тебе, Федя! — И мы обменялись рукопожатиями.

Я понимал, что мой друг рисковал. За исход боя отвечают по самому большому счету, здесь все измеряется высочайшей в мире ценой — человеческой кровью и жизнью. Но я знал и то, что Пелевин всегда поступал обдуманно, по принципу «семь раз примерь...», и потому верил в его успех.

* * *

В просторной землянке собрались почти все офицеры политотдела. Закончив инструктаж о завтрашней работе в полках, старший батальонный комиссар Борисов рассказал какую-то смешную историю, дав понять, что беседа переходит на неофициальный тон.

И тут появился командир дивизии. Полковник Воробьев позволил нам сидеть и сел сам — землянка была явно не по его росту.

— Значит, вы разрешили Пелевину возглавить поиск? — На «вы» он обращался к Борисову, когда был чем-то недоволен.

— Да, товарищ полковник. А что?

— Так, ничего, — усмехнулся комдив. — Сегодня комиссар роты пойдет за «языком», а завтра начальник политотдела будет проситься. Где же мы политработников наберемся, если они станут не своим делом заниматься?

Борисов решил не сдаваться:

— Убедил меня Пелевин, говорит: как я буду призывать людей к подвигам, если сам не стану для них примером?

Воробьев продолжал:

— Значит, будем рисковать комиссаром, уступая его напористости?

— Если вы, товарищ полковник, возражаете, я отменяю приказ, — неуверенно произнес Борисов.

Мне подумалось: какой это будет удар для Пелевина.

Но вот командир дивизии улыбнулся:

— Отменять теперь уже поздно, Александр Алексеевич. Да и не за этим я пришел. До чего все-таки хороши наши люди! Настоящие герои!.. Это начальник разведки капитан Фролкин доложил мне: «Так, мол, и так — Пелевин просится в поиск, Борисов разрешил.

А мы считаем, что нечего комиссару лезть за «языком», не его это дело». Но я понял, что Пелевин идет не просто брать пленного, он еще хочет проверить и некоторые свои соображения. Так что это поиск нового в разведке.

— А мне он этого не сказал, — заметил Борисов.

— Для тебя у него политическая подкладка — ты же начальник политотдела. А меня он решил тактикой подкупить. Хитер! — покачал головой полковник. — Что ж, вопрос решен. А риска большого, думаю, не будет. Я знаю, как Кочетов с Пелевиным грамотно готовят каждый поиск.

Полковник встал, попрощался и направился к двери.

— Да, чуть не забыл, — обернулся он. — Кочетова от нас хотят забрать, так, думаю, вместо него назначим командиром разведроты Пелевина. Готовьте ему замену.

И Воробьев ушел. Мы заговорили о том, как суровая внешность нашего комдива иногда помогает ему — человеку, не лишенному чувства юмора, надевать маску рассерженного начальника.

Теперь оставалось ждать, чем кончится поиск Пелевина.

* * *

Около месяца я Федора не встречал. Говорили, что он организовал на переднем крае круглосуточное наблюдение за намеченным объектом, а потом с группой разведчиков ушел в тыл врага.

Наконец вечером 9 октября Пелевин прислал за мной посыльного. Федор ждал у землянки и, как юноша, прямо-таки сиял от радости. Он был чисто выбрит. Обычно гладко причесанные назад черные волосы после недавней бани поднялись пышной шевелюрой.

Белый подворотничок, начищенные сапоги — все придавало его невысокой, плотной фигуре торжественно праздничный вид.

— Слышал? — спросил он, не скрывая своего ликования. — Фрица захватили, два пулемета... И никаких потерь с нашей стороны! В общем, пошли в землянку, все расскажу.

Мы сели за стол, на котором был приготовлен ужин (разведчики всегда отличались своим хлебосольством). Выпили за успех и приступили к еде.

То и дело откладывая ложку, Пелевин увлеченно рассказывал:

— За эти дни я будто академию прошел. Все-таки это здорово — врага перехитрить! Ну, конечно, и попутели как следует.

— А в отношении численности группы и времени поиска выдержал свою линию? — поинтересовался я.

— Ну! — теперь это было сказано в смысле: «Конечно, о чем разговор!». — Все сделано, как задумал. И еще было новшество — на этот раз атаковали не одну огневую точку, как обычно, а сразу две. Тут пословица «За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймашь» оказалась верной для врага, а не для нас. Им пришлось одновременно иметь дело с двумя подгруппами захвата. Словом, здорово получилось. Схватка была мгновенной и сокрушительной. Отход начали только после того, когда в обоих пулеметных расчетах не осталось ни одного живого гитлеровца, кроме «языка», конечно...

Федор немного помолчал, но потом снова вернулся к рассказу:

— Каковы ребята наши! Выложили все — сметку, храбрость, выносливость. Сержанта Гришанова ранило в левое предплечье. Ему говорят: «Начинай отход», — а он до конца боя прикрывал разведчиков, стреляя из автомата одной рукой. И сейчас в санбат не

хочет идти. А Сашу Карих, помнишь, в партию принимали? Сейчас он младший лейтенант. Дрался как коммунист. И командирские качества у него высокие. Короче — удача полнейшая.

— Ну, раз так, садись и пиши в газету, — попросил я, искренне радуясь успеху разведчиков.

— Что ж, за этим дело не станет.

И 14 октября в дивизионной газете «За счастье Родины!» была опубликована обстоятельная статья Ф. Пелевина и А. Карих «Захват «языка» с немецкого опорного пункта». Она рассказала о хорошо продуманной и тщательно подготовленной операции, в которой участвовало двенадцать бойцов. Отмечалась особая доблесть разведчиков Бородина, Гришанова, Ковалева, Савельева, Ярового.

Прочитав статью, полковник Воробьев заметил:

— Поиск поучителен прежде всего отказом от шаблона, смелым творческим подходом к решению боевой задачи. Этот опыт мы будем использовать широко.

Именно такая организация поиска получила всеобщее распространение в войсках в последние годы войны.

В книге «Разведка в боевых примерах», выпущенной Воениздатом в 1972 году, говорится об этом: «...в начале минувшей войны поиски проводились подразделением (группой) сравнительно большого состава, при этом процент успешных поисков был невелик. Начиная с 1943 года для проведения поисков назначалось меньшее количество людей, а результаты были лучше». И далее: сначала поиски «осуществлялись, как правило, ночью... Начиная с 1943 года дневные поиски стали широко практиковаться на всех фронтах».

Конечно, нельзя утверждать, что начало такому совершенствованию тактики поиска положил именно Пелевин. Творчество проявляли тысячи командиров и политработников. Но можно уверенно сказать, что

Федор Панфилович одним из первых внес в это значительный вклад.

Когда был упразднен институт военных комиссаров и наиболее подготовленных в боевом отношении политработников начали выдвигать на командные должности, Федор Пелевин стал командиром роты и получил капитанское звание.

Помнится, комдив Воробьев, бывший до войны преподавателем тактики в академии имени Фрунзе, сказал ему тогда такие слова:

— Если бы в академии мне пришлось разбирать последний ваш поиск как дипломную работу, я бы оценил ее высшим баллом. Ну а сейчас,— подчеркнул полковник,— это лучшая вам аттестация на командную должность.

Хорошо начал Пелевин службу и на посту командира. В январе 1943 года он был в числе первых сорока воинов дивизии, награжденных боевыми орденами.

Я пишу «был» потому, что Федора Панфиловича Пелевина нет в живых. Он героически погиб 21 января 1944 года, будучи уже офицером разведотдела 11-й гвардейской армии генерала И. Х. Баграмяна.

...С новотрубного мне пишут, что в заводском музее старательно собирают материалы о Федоре Панфиловиче Пелевине. Горожане увековечили память о герое земляке, назвав его именем одну из улиц Первоуральска. И мне хочется, чтобы этот мой небольшой рассказ стал одной из страничек славной летописи о воспитаннике уральской комсомолки, о замечательном коммунисте, об отважном войне-фронтовике разведчике Федоре Пелевине.